

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2772](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772)

В. А. Кондратенко

**ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ:
КАК ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮТ
ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ**

Правильная ссылка на статью:

Кондратенко В. А. Потребление алкоголя российской молодежью: как предпочтения родителей определяют поведение детей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 3—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772>.

For citation:

Kondratenko V. A. (2025) Alcohol Consumption Among Russian Youth: How Parental Preferences Determine Children's Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772>. (In Russ.)

Получено: 16.10.2024. Принято к публикации: 11.03.2025.

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: КАК ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮТ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ

КОНДРАТЕНКО Валерия Александровна — младший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: vkondratenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4760-7814>

ALCOHOL CONSUMPTION AMONG RUSSIAN YOUTH: HOW PARENTAL PREFERENCES DETERMINE CHILDREN'S BEHAVIOR

Valeriia A. KONDRATENKO¹ — Junior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology

E-MAIL: vkondratenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4760-7814>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Исследования подтверждают важную роль родителей в алкогольной социализации молодежи, однако мало изучено, как они влияют на предпочтения детей в выборе конкретных видов алкогольных напитков. В статье анализируется связь между видами алкогольных напитков, употребляемых молодыми людьми, и видами алкогольных напитков, выбираемых их родителями. В основе исследования — данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE) за 2012—2019 гг. Выборка — 3095 респондентов 14—22 лет, потреблявших алкоголь в последние 30 дней.

С помощью кластерного анализа выделено пять групп молодежи по составу потребляемых алкогольных напитков: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка/самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». Для оценки связи между потреблением различных алкогольных напитков молодыми людьми и их родителями использовалась мультиномиальная регрессия, где зависимая переменная — типология потребления алкоголя молодежью, а ключевые независимые переменные — виды потребляемого алкоголя хотя бы одним из родителей. Результаты показывают, что влияние родителей распространяется не только на факт употребления

Abstract. Existing research highlights the role of parents in the alcohol socialization of youth. However, little is known about how parents influence children's preferences in choosing specific types of alcoholic beverages. This study explores the relationship between the alcohol preferences of youth and their parents using data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS—HSE) from 2012 to 2019. The sample includes 3,095 respondents aged 14 to 22 who consumed alcohol in the 30 days preceding the survey.

The author uses cluster analysis to identify five groups of young people based on the composition of alcoholic beverages consumed, namely: «only beer», «cocktails and other beverages», «wine and beer», «vodka, moonshine, and other beverages», and «cognac, whiskey, liqueur, and other beverages». To assess the relationship between the types of alcohol consumed by youth and their parents' choices, the author estimates multinomial regression model, with typology of alcohol consumption among youth as the dependent variable and the types of alcoholic beverages consumed by at least one parent as key independent variables. The results show that parental influence extends not only to the fact of alcohol consumption, which has been identified in previous studies, but also to the choice of specific alcoholic beverage.

алкоголя, что было выявлено в исследованиях ранее, но и на выбор конкретных алкогольных напитков. Например, употребление вина одним из родителей увеличивает вероятность того, что их взрослый ребенок будет привержен типу потребления, включающему вино. Аналогичная ситуация наблюдается и для более крепких напитков, таких как водка, самогон и коньяк.

Ключевые слова: потребление алкоголя, типы потребления алкоголя, потребление алкоголя молодежью, потребление алкоголя родителями, РМЭЗ ВШЭ

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, проект «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков». Автор выражает особую благодарность Я. М. Роциной и коллективу Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за помощь в работе над статьей.

ages. For example, wine consumption by one of the parents increases the likelihood that their adult child will be committed to a type of consumption that includes wine. For instance, parental consumption of wine increases the likelihood that a young person will belong to a group that includes wine. A similar pattern is observed for stronger beverages such as vodka, moonshine, and cognac.

Keywords: alcohol consumption, types of alcohol consumption, youth alcohol consumption, parental alcohol consumption, RLMS—HSE

Acknowledgments. The study was supported by the HSE University Fundamental Research Program, project «Russians' Daily Social Practices under Exogenous Shocks». The author expresses special gratitude to Yana Roshchina and the HSE Laboratory of Economic and Social Research staff for their assistance in working on the article.

Введение

С начала 2000-х годов в России снижается доля населения, которое относит себя к пьющим, а также сокращаются объемы потребления алкоголя [Кондратенко, 2021; Роцина, Белова, 2024; Роцина, Кондратенко, 2024]. Эти изменения сопровождаются структурными изменениями в потреблении алкоголя россиянами [Радаев, 2022]. В стране наблюдается переход от северной модели потребления алкоголя, характеризующейся нечастым, но обильным потреблением крепкого алкоголя, к южной модели, которая подразумевает более частое потребление алкоголя низкой крепости в умеренных количествах [Porova et al., 2007].

Ученые отмечают, что наибольший «вклад» в снижение доли пьющих в разных странах вносит молодежь. Как показывают последние исследования в России [Radaev, Roshchina, 2019; Radaev, Roshchina, 2021; Кондратенко, 2021] и в других странах [Vashishtha et al., 2021], молодые люди действительно демонстрируют снижение интереса к потреблению алкоголя по сравнению с другими возрастными когортами, среди них увеличивается доля трезвенников. Например, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE) за 2006—2018 гг. [Кондратенко, 2021], наиболее заметные изменения в приросте доли трезвенников произошли среди молодежи до 25 лет, доля непьющих увеличилась на 30 п. п. (выросла с 25

до 55 %). Для сравнения, среди людей 26—40 лет данный показатель изменился за этот же промежуток времени в положительную сторону только на 14 п. п., среди россиян 41—60 лет уже на 12 п. п., среди пожилых людей старше 61 года — только на 9 п. п.

Несмотря на позитивные тенденции, молодежь представляет собой социальную группу, подверженную рискам, особенно во времена экономических и социальных кризисов. Исследования показывают [Tran et al., 2020; Wardell et al., 2020], что в такие периоды может быть повышен риск употребления алкоголя в качестве механизма преодоления трудностей. Недавнее исследование [Радаев и др., 2023] подтверждает это, показывая, что с начала 2022 г. молодые люди в России чаще увеличивали потребление алкоголя по сравнению со средним по выборке (8 % против 4 %).

Потребление алкоголя обусловлено широким спектром факторов, связанных с индивидуальными чертами человека и с его окружением. Согласно систематическому обзору литературы [Khamis et al., 2022], паттерны потребления алкоголя во многом определяются демографическими факторами, такими как возраст и доступность мест продажи алкоголя. Помимо этого, важную роль играют социальные факторы, такие как социально-экономический статус семьи и религиозная принадлежность. Так, исследования демонстрируют, что существуют различия в потреблении алкоголя в зависимости от социально-экономического положения человека. Например, выявлена связь между видами алкогольных напитков, которые предпочитают люди, и их социальным классом: представители высших слоев общества отдадут предпочтение шампанскому, коньяку и другим статусным напиткам, а пиво и водку склонны выбирать менее обеспеченные и образованные группы населения [Рощина, Мартыненко, 2014]. В свою очередь, религия и вовлеченность в религиозные практики влияют на восприятие и отношение к алкоголю, выполняя сдерживающую функцию [Khamis et al., 2022].

Для молодежи ключевыми признаются факторы, связанные с близким окружением [Windle et al., 2008]. Согласно концепции социального научения А. Бандуры [Bandura, 1969], в молодом возрасте навыки приобретаются через наблюдение за окружающими и анализ последствий их поступков. Особенность данного подхода заключается во взаимном детерминизме, который описывал А. Бандура: поведение человека формируется под влиянием окружающей среды, а также само поведение человека оказывает воздействие на его окружение. Эта особенность отличает данный подход от бихевиористских теорий, в которых доминирует идея о влиянии только окружения человека на его поведение [Smith, 2021].

Используя теорию социального научения, можно подчеркнуть, что одной из ключевых групп влияния на молодежь оказываются их друзья и сверстники. Молодые люди могут менять свое поведение по отношению к употреблению алкоголя и других веществ в соответствии с их кругом общения [Patrick, Schulenberg, 2010]. Исследования демонстрируют, что молодежь, которая проводит больше времени с друзьями, может чувствовать социальное давление к потреблению алкоголя и быть более склонной к его эпизодическому употреблению [Watts et al., 2024]. Важно отметить, что молодые люди по-разному поддаются влиянию своих сверстников в зависимости от их генетики и черт характера [Allen et al., 2022].

Однако наиболее значимым фактором, связанным с потреблением алкоголя молодежью, остаются родители, особенно если рассматривать младшие возрастные группы. Родители в этом случае выступают для подростков первичными агентами алкогольной социализации и формируют нормы потребления алкоголя, которые во многом предопределяют паттерны потребления алкоголя в более зрелом возрасте [Coffelt et al., 2006; Randolph et al., 2018; Vermeulen-Smit et al., 2012]. Утверждается, что потребление алкоголя родителями не только влияет на первую пробу алкоголя подростком, но и во многом определяет его практики потребления алкоголя в течение всего периода взросления [Poelen et al., 2007, 2009; Power et al., 2005; Vermeulen-Smit et al., 2012]. Передача практик потребления алкоголя может происходить как через прямые, так и через косвенные процессы социализации. Прямая социализация включает в себя явные обсуждения и правила, установленные родителями в отношении алкоголя, в то время как косвенная социализация происходит через моделирование поведения, наблюдение и усвоение привычек родителей в отношении употребления алкоголя, включая выбор напитков [Jackson, Henriksen, Dickinson, 1999; Van der Vorst, Burk, Engels, 2010].

В зарубежной литературе существует значительный объем исследований, посвященных изучению взаимосвязи практик потребления алкоголя молодежью и их родителями. Например, в работах анализируются гендерные различия [Coffelt et al., 2006; Espinosa-Hernandez, 2022; Green et al., 1991]; рассматривается влияние друзей, братьев и сестер [Poelen et al., 2007, 2009; Power et al., 2005; Randolph et al., 2018]; учитываются ситуации чрезмерного потребления алкоголя подростками и родителями [Bryant, MacKintosh, Bauld, 2020; Stephenson et al., 2023].

Однако результаты этих работ неоднозначны. Продолжается дискуссия о том, кто из родителей — мать или отец — оказывает большее влияние на практики потребления спиртного молодыми людьми. Помимо этого, остается не до конца изученной зависимость влияния пола и возраста молодежи. Н. Коффельт с соавторами [Coffelt et al., 2006] предполагает, что противоречивость результатов может быть связана с разной методологией и размерами выборки в исследованиях. Помимо этого, важную роль могут играть культурный контекст и особенности потребления алкоголя в разных странах [Green et al., 1991]. В России, как было отмечено ранее, модель потребления алкоголя в последние несколько десятилетий претерпевала значительные изменения и имеет свои особенности. В связи с этим взаимосвязь между практиками потребления алкоголя молодежью и их родителями в России необходимо изучать отдельно.

Большинство отечественных исследований концентрируют внимание на чрезмерном потреблении алкоголя, а влияние родителей на детей выступает одним из многих факторов, которые обуславливают отношение ребенка к алкоголю в будущем [Одинокова, 2018; Пономарева, 2013]. Такая тенденция в исследованиях объяснима общей озабоченностью проблемой чрезмерного потребления алкоголя среди населения как в России [Горячева, 2003; Радаев, Котельникова, 2016], так и в других странах [Ророва et al., 2007]. Однако с середины 2000-х годов в России начала проводиться активная антиалкогольная политика: были введены акцизные марки и система контроля ЕГАИС, создана Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками [Радаев, Котельникова, 2016], запрещена

продажа алкоголя несовершеннолетним, а также продажа в вечерние часы, введен учет крепости напитков и т. д. Эти меры повлекли за собой заметное снижение доли пьющих в России [Рощина, Белова, 2024], в том числе среди молодежи [Кондратенко, 2022]. В связи с этим исследовательский фокус может быть смещен с изучения чрезмерного потребления алкоголя и алкоголизма в сторону других форм потребления алкоголя.

Хотя общеизвестно, что родители влияют на потребление алкоголя своих детей, мало что известно о том, распространяется ли это влияние на конкретные виды потребляемого алкоголя. Основываясь на теории социального научения, выдвинем гипотезу, что виды алкогольных напитков, потребляемых родителями, связаны с видами спиртного, предпочитаемого их детьми. Эта гипотеза основана на идее о том, что родители, употребляющие определенные виды напитков, создают среду, в которой этот выбор нормализуется и, вероятно, будет имитироваться детьми. Сосредоточившись на взаимосвязи между видами алкогольных напитков, предпочитаемых молодежью и родителями, это исследование призвано заполнить пробел в литературе и внести вклад в понимание социализации алкоголя в семьях.

Данные и выборка исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)¹. В работе использовался объединенный массив репрезентативных данных, собранный в период с 2012 по 2019 г. Выбор начальной точки обусловлен тем, что именно с 2012 г. в анкету был добавлен важный для нашего анализа вопрос о потреблении напитков категории «коньяк, виски, ликер». Период завершен на 2019 г., поскольку данные, собранные начиная с 2020 г., могут отражать искажения, вызванные пандемией COVID-19 [Колосницына, Золотарева, 2024] и последующими социально-экономическими кризисами, что требует отдельного анализа. Объединенный массив данных использован для увеличения количества кейсов, так как выборка с данными о родителях недостаточно велика за отдельные годы. Кроме того, данный период характеризуется относительной социально-экономической стабильностью и имеет общий тренд на снижение потребления алкоголя среди молодежи, что подтверждается анализом данных.

Так как в качестве объекта исследования выступает молодежь, важно описать критерии ограничения возраста. При изучении потребления алкоголя в качестве нижней границы в России обычно выбирают возраст 14—16 лет. Например, В. Радаев с коллегами рассматривают респондентов с 14 лет [Radaev, Roshchina, 2019; Radaev, Roshchina, Salnikova, 2020]; 3. Котельникова с 15 лет [Котельникова, 2015]; Я. Рощина и П. Мартыненко ограничивают выборку респондентами старше 16 лет [Рощина, Мартыненко, 2014]. В нашем исследовании мы рассматриваем молодежь в возрасте от 14 до 22 лет, исходя из того, что с 14 лет фиксируется потребление алкоголя, а к 22 годам многие респонденты все еще прожива-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>.)

ют с родителями, что важно для анализа семейного влияния. Влияние родителей на поведение, связанное со здоровьем, наиболее выражено при совместном проживании, и снижается по мере отделения ребенка от родительского дома, например, при поступлении в университет и переезде [Lau et al., 1990; Patrick et al., 2020].

Исходная база данных, охватывающая молодежь в возрасте от 14 до 22 лет за период с 2012 по 2019 г., содержала 14 965 респондентов. Для нашего исследования мы отобрали тех, кто употреблял алкоголь в последние 30 дней перед опросом, что составило 3095 респондентов. Среди респондентов незначительно больше юношей (51 %), чем девушек (49 %). 14 % проживают в Москве или Санкт-Петербурге, 39 % — в областных центрах, 24 % — в городах, и 23 % — селах. Большую часть выборки (89 %) составляют молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет. Среди всей молодежи 39 % респондентов учатся, но не работают, 28 % работают, но не учатся, 21 % совмещают учебу и работу, 13 % только работают. Этнический состав был следующим: 94 % респондентов идентифицировали себя как славяне, 2 % — как представители мусульманских народов, 4 % относились к другим этническим группам. 24 % респондентов состоят в формальном или неформальном браке.

Методы измерения и анализа данных

Молодежь часто отдает предпочтение сразу нескольким видам алкогольных напитков, поэтому для более точного анализа мы решили не ограничиваться изучением отдельных напитков, а разработать типологию потребления. Для построения типологии мы использовали блок вопросов из анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ «Сейчас я буду перечислять разные спиртные напитки, а Вы скажите мне, пожалуйста, какие из них Вы пили в течение последних 30 дней». Для этого был использован двухэтапный кластерный анализ на данных 2012—2019 гг. Данный метод выбран за его способность обрабатывать большие массивы данных с бинарными переменными и автоматически определять оптимальное количество кластеров на основе BIC (Байесовского информационного критерия). Для повышения репрезентативности данных и ввиду малонаполненности некоторые категории схожих между собой категорий напитков были объединены: «пиво промышленного производства», «домашнее пиво» и «брага» — в «пиво, брага»; различные виды вина — в «вино»; «водка» и «самогон» — в «водка или самогон». Категория «пили что-то другое» была исключена из-за малой наполненности.

С помощью кластерного анализа были выделены пять типов потребления алкоголя: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка/самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». Полученные кластеры, продемонстрировали оптимальное распределение респондентов и наилучшую интерпретируемость. Выделенные типы потребления алкоголя также оказались устойчивыми при тестировании модели с рандомным стартом кластерных центров, что указывает на надежность полученной типологии.

Для оценки связи потребления различных алкогольных напитков молодыми людьми и их родителями мы использовали мультиномиальную регрессию, где зависимая переменная — разработанная типология потребления молодежью с базовой категорией «только пиво», ключевые независимые переменные — виды алкогольных напитков, которые употребляли хотя бы один из родителей. С помощью

домохозяйственного идентификатора мы добавили в базу данных информацию о потреблении алкоголя родителями, включая пиво, вино, крепленое вино, са-могон, водку, виски, коктейли. Чтобы уменьшить количество переменных и снизить риск переобучения модели, мы решили учитывать только факт употребления каждого из этих напитков хотя бы одним из родителей. В модель также были включены контрольные переменные молодежи (пол, возраст, семейное положение, этническая принадлежность, статус занятости, доход, состав семьи, тип места жительства и норму температуры в январе как показатель климатических условий региона проживания). Выбор этих переменных основывался на обзоре литературы по аналогичным темам, а также с учетом специфики российского контекста и данных, доступных в РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Тренды в потреблении алкоголя среди молодежи

Анализ данных, представленных в таблице 1, демонстрирует явную тенденцию к снижению потребления алкоголя российской молодежью в период с 2012 по 2019 г. За это время доля молодых людей, которые употребляют алкоголь хотя бы иногда, сократилась с 47 % до 27 %. Особенно заметным оказалось снижение регулярного потребления: если в 2012 г. за последние 30 дней употребляли алкоголь 31 % респондентов, то к 2019 г. этот показатель снизился до 16 %.

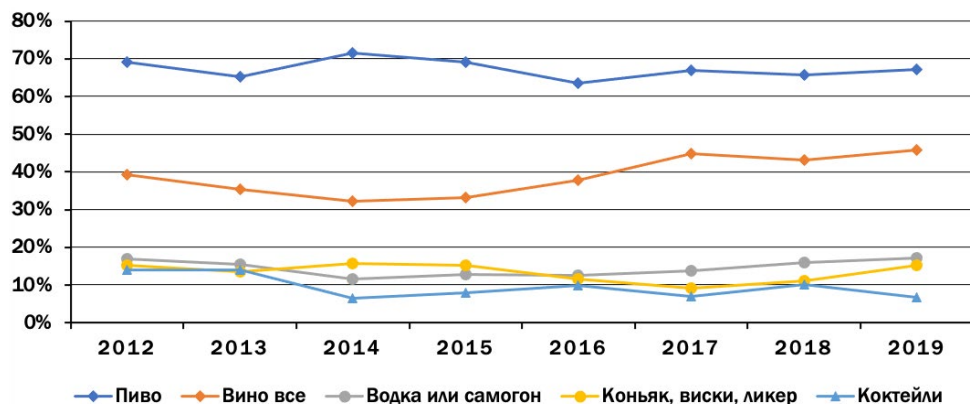
Данные также указывают на сокращение гендерного разрыва в практиках потребления алкоголя. В 2012 г. 33 % юношей и 29 % девушек сообщили об употреблении алкоголя в течение последних 30 дней (разница 4 п. п.). К 2019 г. этот разрыв уменьшился: 16 % юношей и 15 % девушек пили спиртное за 30 дней до проведения опроса (разница 1 п. п.). Кроме того, тенденция к снижению потребления алкоголя среди девушек, по-видимому, более быстрая. Схожий тренд прослеживается при анализе данных по возрастным группам. Среди старшей молодежи в возрасте 18—22 лет доля пьющих за последние 30 дней снизилась с 45 % до 27 % (18 п. п.). Для молодежи в возрасте 14—17 лет этот показатель также уменьшился, с 9 % до 4 % (на 5 п. п.), однако снижение было менее выраженным по сравнению с группой молодых людей 18—22 лет.

Таблица 1. **Динамика доли молодежи в возрасте 14—22 лет, употребляющих алкоголь (в %), 2012—2019 гг. (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ)**

Годы	За последние 30 дней					Хотя бы иногда
	Юноши	Девушки	14—17 лет	18—22 года	Всего	
2012	33	29	9	45	31	47
2013	28	23	7	39	26	40
2014	22	18	4	33	20	36
2015	20	17	4	30	18	30
2016	19	18	4	30	18	33
2017	16	18	3	30	17	30
2018	17	16	4	27	16	30
2019	16	15	4	27	16	27
Всего	22	20	5	34	21	35

Динамика предпочтений алкогольных напитков молодыми людьми (см. рис. 1) также изменилась. На протяжении всего периода самым популярным напитком среди молодежи оставалось пиво, при этом потребление немного колебалось, но в среднем составляло 67 %. В свою очередь, доля молодежи, которая предпочитала вино, снизилась с 39 % до 32 % в 2014 г., затем стабильно росла, достигая максимума в 2019 г., когда почти половина (46 %) пьющей молодежи выбирала этот напиток. Водка и самогон были менее распространены среди молодых людей, их потребление варьировалось от 12 % до 17 %. Доля молодежи, предпочитающих «коньяк, виски, ликер» незначительно колебалась, оставаясь на уровне примерно 15 % в течение всего периода. Коктейли показали значительное падение потребления: с 14 % в 2012 г. до 7 % к 2019 г. В целом доминировали пиво и вино, в то время как более крепкие спиртные напитки и коктейли употреблялись меньшим количеством респондентов.

Рис. 1. Доля молодежи, употреблявшей различные виды алкогольных напитков в течение последних 30 дней перед опросом (в %) 2012—2019 гг. (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ)

Типология потребления алкоголя молодежью

На основе данных за 2012—2019 гг. определено пять типов потребления алкоголя среди молодежи. Мы выделили один «чистый» тип, в котором присутствует потребление только пива. В четырех остальных типах выделяется один доминирующий напиток, который молодые люди сочетают с другими видами алкоголя. Эти типы различаются не только сочетаниями напитков, но и социально-демографическими характеристиками их представителей². Таблицы с центрами кластеров, распределением типов потребления алкоголя по социально-демографическим характеристикам и динамикой изменений типологии по годам могут быть предоставлены автором по запросу.

Самый распространенный тип потребления алкоголя среди молодежи — «только пиво» (38 % выборки). Этот тип отличается высокой долей юношей (66 %), прожи-

² Таблицы с центрами кластеров, распределением типов потребления алкоголя по социально-демографическим характеристикам и динамикой изменений типологии по годам могут быть предоставлены автором по запросу.

вающих в поселках городского типа (26%), состоящих в браке (26%), с высоким уровнем здоровья (69%), которые относят себя к славянским национальностям (94%). Интересно, что здесь выше доля младшей молодежи в возрасте 14—17 лет (13%), но этот тип не является самым «молодым». В группе статистически значимо выше доля редко пьющей молодежи, которая потребляет алкоголь раз в месяц (36% по сравнению с 33% в среднем по выборке).

Тип «коктейли и другие напитки» (11% выборки) представляет молодежь, которая потребляет самые разные алкогольные напитки: почти все (97%) пьют коктейли, 58% пьют пиво, 35% — вино, 16% — водку и самогон, 16% — коньяк, ликер и виски. Этот кластер по описанию портретов молодежи близок к представителям типа «вино и пиво» (29% выборки), в котором все (100%) пьют вино и 31% пьют пиво. Оба типа являются самыми «молодыми» (доля молодежи 14—17 лет — по 13%) и самыми женскими (доля девушек — 62% и 78%). В этих кластерах выше по сравнению со средним по выборке процент респондентов из столиц (по 18%). Различаются они тем, что в типе «коктейли и другие напитки» выше доля молодых людей, не состоящих в браке (80%), а в кластере «вино и пиво» данный показатель практически равен среднему и составляет 76%. Важное различие наблюдается в частоте потребления алкоголя: в группе «коктейли и другие напитки» выше доля тех, кто пьет алкоголь чаще двух-трех раз в неделю (19% по сравнению с 9% средним по выборке); в типе «вино и пиво», наоборот, преобладают те, кто пьет алкоголь реже — раз в неделю (47% против 34% в среднем по выборке).

Тип «водка, самогон и другие напитки» (13% выборки) включает молодежь, употребляющую водку, самогон (100%), пиво (70%), вино (21%), коньяк, виски и ликер (16%). Этот тип является самым «мужским» (доля юношей — 78%), самым взрослым (доля молодежи 18—22 лет — 96%). Также среди представителей этого типа самая высокая доля мужчин, состоящих в браке (доля респондентов в браке — 26%). Здесь также больше тех, кто живет в городах (29%) и в поселках городского типа / селах (34%). Также отличается этот кластер по сравнению со всей пьющей молодежью тем, что здесь выше процент респондентов, которые не учатся и не работают (20%) и тех, которые не учатся, но работают (37%). По частоте, в данной группе молодежи выше доля тех, кто пьет алкоголь раз в неделю или два-три раза за 30 дней (71% против 58% в среднем по выборке), и тех, кто пьет алкоголь чаще двух-трех раз в неделю (19% против 9% в среднем по выборке).

Схожим типом, но со своими отличительными особенностями, является тип «коньяк, виски, ликер и другие напитки» (9% выборки). Его представляет молодежь, которая также потребляет пиво (55%) и вино (31%), но при этом потребляет коньяк, виски или ликер (100%). Данное сочетание присуще скорее юношам (57%), более взрослой молодежи 18—22 лет (95%), а также тем, у кого хорошее здоровье (66%). Отличие от предыдущего типа наблюдается в том, что здесь больше молодежи, которая не учится, но работает (31%). По месту жительства также наблюдается отличие: в данном случае выше доля респондентов из столиц (17%) и областных центров (44%). Помимо этого, здесь выше доля тех, кто не состоит в браке, по сравнению со всей пьющей молодежью (80%). По частоте потребления алкоголя данный тип схож с предыдущим, но его отличие со средним менее

выражено: в этой группе выше доля тех, кто употребляет алкоголь раз в неделю или два-три раза за 30 дней (65 %), и тех, кто пьет два-три раза в неделю (10 %).

Связь типов потребления алкоголя молодежью и употребляемых родителями видов напитков

На основе мультиномиального регрессионного анализа (см. табл. 2) мы проанализировали связь между потреблением алкоголя родителями и типами алкоголя, предпочитаемыми молодыми людьми. Референтной категорией в этом анализе выступает группа «только пиво», что облегчает сравнение того, как различные факторы связаны с вероятностью молодежи сочетать виды алкогольных напитков.

Таблица 2. **Результаты регрессионного анализа связи между типами потребления алкоголя молодежью и видами алкогольных напитков, потребляемых родителями, 2012—2019 гг.**

Переменные	Типы потребления			
	Коктейли и др.	Водка, самогон и др.	Коньяк, виски, ликер и др.	Вино и пиво
Пиво	1,064	0,832	0,599***	0,582***
	(0,187)	(0,131)	(0,108)	(0,0789)
Вино	1,603***	1,104	1,708***	3,096***
	(0,267)	(0,190)	(0,307)	(0,416)
Крепленое вино	1,921**	0,965	1,058	2,079***
	(0,498)	(0,264)	(0,349)	(0,421)
Самогон	1,083	2,501***	0,797	1,215
	(0,392)	(0,707)	(0,355)	(0,352)
Водка	1,057	1,555***	1,151	1,157
	(0,188)	(0,242)	(0,207)	(0,163)
Виски, коньяк, ликер	1,395	0,921	2,531***	1,451**
	(0,303)	(0,215)	(0,562)	(0,268)
Коктейли	1,479	0,682	0,662	0,553
	(0,799)	(0,474)	(0,579)	(0,305)
Возраст	1,068	1,211***	1,273***	1,077**
	(0,0486)	(0,0519)	(0,0586)	(0,0371)
Логарифмированный душевой доход	1,140**	0,999	1,209*	1,159***
	(0,0586)	(0,0377)	(0,125)	(0,0560)
Есть бабушка и/или дедушка в домохозяйстве	1,066	0,976	1,177	1,322*
	(0,204)	(0,198)	(0,237)	(0,215)
Количество братьев и/или сестер, включая сводных (в семье)	1,163*	0,996	0,899	0,957
	(0,107)	(0,101)	(0,103)	(0,0796)
Мусульманские этносы (база — славяне)	0,715	1,192	0,394	1,186
	(0,398)	(0,378)	(0,243)	(0,409)
Другие этносы	1,736*	1,179	1,211	2,068***
	(0,549)	(0,367)	(0,491)	(0,528)

Переменные	Типы потребления			
	Коктейли и др.	Водка, самогон и др.	Коньяк, виски, ликер и др.	Вино и пиво
Учится, но не работает (база — не учится и не работает)	1,734**	0,660**	1,699**	2,945***
	(0,405)	(0,133)	(0,423)	(0,541)
Не учится, но работает	1,253	0,824	1,550*	1,843***
	(0,293)	(0,146)	(0,405)	(0,355)
Учится и работает	1,581*	1,306	2,237***	2,712***
	(0,398)	(0,268)	(0,623)	(0,549)
Не замужем	1,613***	0,957	2,044***	1,340**
	(0,298)	(0,161)	(0,399)	(0,181)
Юноши	0,276***	1,848***	0,597***	0,120***
	(0,0412)	(0,296)	(0,0954)	(0,0150)
Областной центр (база — Москва, Санкт-Петербург)	0,673*	0,897	0,963	0,846
	(0,148)	(0,227)	(0,235)	(0,156)
Город областного подчинения	0,696	1,508	0,746	0,768
	(0,164)	(0,390)	(0,192)	(0,152)
Село, поселок городского типа	0,468***	1,430	0,651	0,629**
	(0,122)	(0,360)	(0,178)	(0,125)
Норма температуры в январе	1,011	1,004	1,045***	1,034***
	(0,0108)	(0,0101)	(0,0132)	(0,00868)
Константа	0,0390***	0,00513***	0,000335***	0,0593***
	(0,0462)	(0,00516)	(0,000487)	(0,0511)
R2	0,1329			
Количество наблюдений	3 089			

Примечание. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$, модели значимы на уровне 95 %. В скобках приведены стандартные ошибки. Для экономии места данные по годам исключены из таблицы. Таблица средних значений и полная таблица с результатами регрессионного анализа предоставляются автором по запросу.

Как показывает анализ, потребление пива одним из родителей снижает вероятность того, что молодые люди будут относиться к типам «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и «вино и пиво», в которых одним из напитков как раз является пиво. Это может свидетельствовать о том, что потребление пива родителями повышает вероятность предпочтения пива молодежью, ограничивая склонность к сочетанию данного вида алкоголя с другими напитками.

В свою очередь, потребление вина родителями увеличивает вероятность того, что молодежь будет чаще оказываться в категории «коктейли и другие напитки» (в 1,6 раза), «коньяк, виски, ликер и другие напитки» (1,7 раза) и «вино и пиво» (в 3 раза), в которых одним из напитков является вино. Аналогичные результаты наблюдаются для крепленого вина, но только для типов «коктейли и другие напитки» (в 1,9 раза) и «вино и пиво» в (2,1 раза). Получается, что молодые люди с большей вероятностью будут употреблять вино, если это входит в привычки их

родителей. Причем стоит отметить, что показатели выше для типа, где вино сочетается только с пивом.

Схожую логику мы можем наблюдать для типа «водка, самогон и другие напитки». Например, употребление «северных» крепких алкогольных напитков (водки и самогона) хотя бы одним из родителей значительно повышает вероятность того, что молодежь будет относиться к типу «водка, самогон и другие напитки». В частности, употребление родителями самогона увеличивает эту вероятность в 2,5 раза, а водки — в 1,6 раза. Потребление хотя бы одним из родителей коньяка, виски или ликера в 2,5 раза увеличивает шансы молодежи относиться к типу «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и в 1,5 раза — к типу «вино и пиво».

При прочих равных условиях значимыми остаются такие социально-демографические характеристики, как логарифм душевых доходов, возраст, статус занятости, пол и тип места жительства, что также вносит вклад в объяснение выбора алкогольных напитков молодежью.

Заключение

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязи между видами алкогольных напитков, которые потребляют молодые люди, с теми видами алкогольных напитков, которые предпочитают их родители. На основе базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012—2019 гг. мы разработали типологию потребления алкоголя молодежью, выделив пять типов: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка, самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». В целом выделенные нами типы соответствуют тем, что описаны в исследованиях о потреблении алкоголя россиянами [Рощина, Кондратенко, 2024; Рощина, Мартыненко, 2014; Кондратенко, 2021; Котельникова, 2015]. Например, можно отметить типы с доминированием вина, представителями которых являются скорее девушки из «столиц»; «мужские» типы для юношей из сел с доминированием водки и самогона. При этом особенностью молодежной типологии потребления алкоголя является то, что пиво присутствует во всех типах.

Ранее исследования фокусировались на влиянии родителей на сам факт потребления алкоголя или объем потребления среди молодежи, не учитывая выбор конкретных напитков. В рамках нашего исследования с помощью мультиномиальной логистической регрессии мы оценили, как потребление различных видов алкогольных напитков хотя бы одним из родителей связано с выбором алкогольных напитков молодыми людьми. Результаты демонстрируют, что употребление спиртных напитков молодежью существенно зависит от привычек потребления алкоголя родителями. Например, мы выявили, что употребление винных напитков одним из родителей увеличивает вероятность молодежи относиться к тем типам, в которые входит вино. Аналогичная ситуация наблюдается с потреблением родителями «северных напитков», таких как водка или самогон, и потребление коньяка, виски, ликера. Таким образом, исходя из концепции социального научения [Bandura, 1969] мы можем подтвердить гипотезу о том, что виды спиртного, которые выбирают родители, положительно связаны с видами алкогольных напитков, которые предпочитают их дети. Это исследование, с одной стороны, продолжает изучение взаимосвязи потребления алкоголя между молодыми людьми и их

родителями в России; с другой — расширяет предыдущие зарубежные исследования, показывая, что родительское влияние выходит за рамки факта и объема потребляемого алкоголя и включает выбор определенных напитков.

Нами также дополнительно были проанализированы социально-демографические характеристики молодежи. Выявлено, что с возрастом увеличивается вероятность быть представителем всех типов по сравнению с базой «только пиво», кроме типа «коктейли и другие напитки», который характерен скорее для более молодых групп. Это может быть связано с тем, что молодые люди более склонны к эклектичному потреблению алкоголя и отдают предпочтение разным спиртным напиткам [Кондратенко, 2021]. Логарифм душевых доходов положительно связан с принадлежностью к типам «коктейли и другие напитки» и «вино и пиво», что соотносится с тем, что более дорогие и статусные напитки, такие как вино и коктейли, чаще предпочитают люди с более высоким уровнем дохода, в то время как крепкие напитки остаются популярными среди менее обеспеченных групп населения [Рощина, Кондратенко, 2024]. Анализ также показывает, что для юношей выше вероятность быть представителями типа «водка, самогон и другие напитки», что согласуется с традиционными гендерными ролями в потреблении алкоголя. В свою очередь, обучение в общеобразовательном учреждении, в том числе если учеба сочетается с работой, увеличивает шансы молодежи быть представителями типов «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и «вино и пиво». Как показывают исследования, «винные» напитки предпочитают по большей части образованные люди [Рощина, Мартыненко, 2014; Кондратенко, 2021; Котельникова, 2015]. Отдельно стоит отметить, что проживание в селе / поселке городского типа снижает вероятность относиться к типам «коктейли и другие напитки» и «вино и пиво». Это может быть связано с большей распространенностью и доступностью крепких «северных» алкогольных напитков в сельских районах.

Основные ограничения нашего исследования связаны с базой данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Во-первых, мы используем данные по потреблению различных видов алкогольных напитков за последние 30 дней до проведения опроса, но респонденты (особенно молодежь) могут потреблять алкогольные напитки не регулярно, соответственно, данный показатель демонстрирует заниженные данные. Во-вторых, изменения в методологии опроса, связанные с видами алкогольных напитков, ограничили период исследования с 2012 г. Несмотря на это, база данных РМЭЗ НИУ ВШЭ лучше всего подходит для цели нашего исследования. Также важно отметить ограничения, связанные с методами анализа данных и спецификациями эмпирических моделей. Например, мы решили не включать данные по потреблению алкоголя старшими братьями/сестрами респондента ввиду трудоемкости процесса и небольшого количества кейсов как таковых. По этой же причине мы не включали данные и по потреблению алкоголя бабушек/дедушек. Помимо этого, мы не включили в итоговые модели цены на пиво, так как эта переменная нивелировала значимость типа места жительства. Дополнительно в связи с малой наполненностью отдельных категорий алкогольных напитков нам пришлось укрупнить переменные, фокусируясь не на детализации (например, пиво или брага), а на более общих категориях (пивные или винные напитки и т. д.).

В перспективе будущие исследования могут сфокусироваться на сравнении влияния потребления алкогольных напитков родителями и друзьями молодежи, сверстниками. Кроме того, представляется важным отдельно рассмотреть гендерные различия, чтобы всесторонне изучить механизмы передачи предпочтений в выборе алкогольных напитков от родителей к детям. Представляется целесообразным проведение исследований с использованием качественных методов для более глубокого изучения механизмов семейного влияния на потребление алкоголя молодежью.

Список литературы (References)

1. Горячева Н. В. Модель потребления алкоголя в России // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 101—107.
Goryacheva N. V. (2003) Alcohol Consumption Pattern in Russia. *Sociological Journal*. No. 4. P. 101—107. (In Russ.)
2. Колосницына М. Г., Золотарёва А. Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>.
Kolosnitsyna M. G., Zolotareva A. (2024) Impact of External Shocks on Unhealthy Behavior: COVID-19 Pandemic and Alcohol Consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>. (In Russ.)
3. Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994—2018 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2021. № 11. С. 153—174. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2021.4>.
Kondratenko V. A. (2021) The Structure and Types of Alcohol Consumption in Russia in 1994—2018. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)*. No. 11. P. 153—174. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2021.4>. (In Russ.)
4. Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006—2019 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2022. № 12. С. 150—177. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse>.
Kondratenko V. A. (2021) Alcohol Consumption by Russian Youth and Their Parents in 2006—2019. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)*. Vol. 12. P. 150—177. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse>. (In Russ.)
5. Котельникова З. В. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 105—112.
Kotelnikova Z. V. (2015) The Relationship Between Alcohol Consumption Practices and The Social Structure of Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 4. P. 105—112. (In Russ.)

6. Одинокова В. А. Влияние родителей и сверстников на частоту употребления алкоголя подростками // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 169—185. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.v6ca-1c18>.
Odinokova V. A. (2018). The Influence of Parents and Peers on the Frequency of Alcohol Consumption among Adolescents. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 169—185. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.v6ca-1c18>. (In Russ.)
7. Пономарева М. С. Оценка микроэкономических факторов потребления алкоголя молодыми людьми: автореф. ... дисс. канд. экон. наук. М.: ВШЭ, 2013.
Ponomareva M. S. (2013). Assessment of Microeconomic Factors of Alcohol Consumption by Young People. Abstract of Dissertation of Candidate of Economic Sciences. Moscow: HSE. (In Russ.)
8. Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980—2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.
Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)
9. Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 92—117.
Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. (2016) Changes in Alcohol Consumption and Governmental Alcohol Policy in Russia. *Economic Policy*. Vol. 11. No. 5. P. 92—117. (In Russ.)
10. Рощина Я. М., Белова Ю. Ю. Кто перестает пить алкоголь в России? // Экономическая социология. 2024. № 1. С. 11—57. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-11-57>.
Roshchina Y. M., Belova Y. Y. (2024) Who Stops Drinking Alcohol in Russia? *Journal of Economic Sociology*. No. 1. P. 11—57. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-11-57>. (In Russ.)
11. Рощина Я. М., Кондратенко В. А. «Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты»: как изменялась взаимосвязь между социальным классом и типом потребления алкоголя в России // Мир России: Социология, этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 56—83. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83>.
Roshchina Y. M., Kondratenko V. A. (2024) 'Tell Me What You Drink, and I Will Tell You Who You Are': How the Interrelation Between Social Class and Type of Alcohol Consumed in Russia has Changed. *Universe of Russia*. Vol. 33. No. 1. P. 56—83. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83>. (In Russ.)
12. Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20—42.

- Roshchina Y. M., Martynenko P. A. (2014) Structure of Alcohol Consumption as an Indicator of Social Group in Modern Russian Cities. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 15. No. 1. P. 20—42. (In Russ.)
13. Радаев В. В., Ибрагимова Д. Х., Казун А. Д., Карабчук Т. С., Кондратенко В. А., Котельникова З. В., Косалс Л. Я., Кузина О. Е., Куракин А. А., Моисеева Д. В., Пашков С. Г., Пилипенко Е. С., Поплавская А. А., Рощина Я. М., Стребков Д. О. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения. М.: Издательский дом ВШЭ, 2023. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>.
Radaev V. V., Ibragimova D. Kh., Kazun A. D., Karabchuk T. S., Kondratenko V. A., Kotelnikova Z. V., Kosals L. Y., Kuzina O. E., Kurakin A. A., Moiseeva D. V., Pashkov S. G., Pilipenko E. S., Poplavskaya A. A., Roshchina Y. M., Strebkov D. O. (2023) How Russians are Coping with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>. (In Russ.)
 14. Allen J. P., Loeb E. L., Kansky J., Davis A. A. (2022) Beyond susceptibility: Openness to Peer Influence is Predicted by Adaptive Social Relationships. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 46. No. 3. P. 180—189. <https://doi.org/10.1177/0165025420922616>.
 15. Bandura A. (1969) Social-learning Theory of Identificatory Processes. In: D. A. Goslin (ed.) *Handbook of Socialization Theory and Research*. Boston, MA: Houghton Mifflin Co. P. 213—262.
 16. Bryant L., MacKintosh A. M., Bauld L. (2020) An Exploration of the Impact of Non-Dependent Parental Drinking on Children. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 1. P. 121—127. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agz086>.
 17. Coffelt N. L., Forehand R., Olson A. L., Jones D. J., Gaffney C. A., Zens M. S. (2006) A Longitudinal Examination of the Link Between Parent Alcohol Problems and Youth Drinking: The Moderating Roles of Parent and Child Gender. *Addictive Behaviors*. Vol. 31. No. 4. P. 593—605. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2005.05.034>.
 18. Espinosa-Hernandez G., Noel N. E., Vasilenko S. A., McCrimmon J., Moran A. H. (2022) Associations Between Parental and Adolescent Alcohol Use: The Role of Gender and Familism Support. *Journal of Adolescence*. Vol. 94. No. 7. P. 1035—1040. <https://doi.org/10.1002/jad.12077>.
 19. Green G., Macintyre S., West P., Ecob R. Like Parent Like Child? (1991) Associations Between Drinking and Smoking Behaviour of Parents and Their Children. *British Journal of Addiction*. Vol. 86. No. 6. P. 745—758. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb03100.x>.
 20. Jackson C., Henriksen L., Dickinson D. (1999) Alcohol-Specific Socialization, Parenting Behaviors and Alcohol Use by Children. *Journal of Studies on Alcohol*. Vol. 60. No. 3. P. 362—367. <https://doi.org/10.15288/jsa.1999.60.362>.

21. Khamis A. A., Salleh S. Z., Ab Karim M. S., Mohd Rom N. A., Janasekaran S., Idris A., Abd Rashid R. B. (2022) Alcohol Consumption Patterns: A Systematic Review of Demographic and Sociocultural Influencing Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 13. Art. 8103. <https://doi.org/10.3390/ijerph19138103>.
22. Lau R. R., Quadrel M. J., Hartman K. A. (1990) Development and Change of Young Adults' Preventive Health Beliefs and Behavior: Influence from Parents and Peers. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 31. No. 3. P. 240—259.
23. Patrick M. E., Schulenberg J. E. (2010) Alcohol Use and Heavy Episodic Drinking Prevalence and Predictors Among National Samples of American Eighth- and Tenth-Grade Students. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 71. No. 1. P. 41—45. <https://doi.org/10.15288/jsad.2010.71.41>.
24. Patrick M. E., Terry-McElrath Y. M., Evans-Polce R. J., Schulenberg J. E. (2020) Negative Alcohol-Related Consequences Experienced by Young Adults in the past 12 Months: Differences by College Attendance, Living Situation, Binge Drinking, and Sex. *Addictive Behaviors*. Vol. 105. Art. 106320.
25. Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. (2007) Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol & Alcoholism*. Vol. 42. No. 5. P. 465—473. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agl124>.
26. Power T. G., Stewart C. D., Hughes S. O., Arbona C. (2005) Predicting Patterns of Adolescent Alcohol Use: A Longitudinal Study *Journal of Studies on Alcohol*. Vol. 66. No. 1. P. 74—81. <https://doi.org/10.15288/jsa.2005.66.74>.
27. Poelen E. A., Engels R. C., Scholte R. H., Boomsma D. I., Willemsen G. (2009) Predictors of Problem Drinking in Adolescence and Young Adulthood: A Longitudinal Twin-Family Study. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 18. No. 6. P. 345—352. <https://doi.org/10.1007/s00787-009-0736-x>.
28. Poelen E. A., Scholte R. H., Willemsen G., Boomsma D. I., Engels R. C. (2007) Drinking by Parents, Siblings, and Friends as Predictors of Regular Alcohol Use in Adolescents and Young Adults: A Longitudinal Twin-Family Study. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 42. No. 4. P. 362—369. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agm042>.
29. Radaev V., Roshchina Y. (2019) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age — Period — Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994—2016. *Addiction*. Vol. 114. No. 5. P. 823—835. <https://doi.org/10.1111/add.14535>.
30. Radaev V., Roshchina Y. (2021) Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarisation? *Drug and Alcohol Review*. Vol. 40. No. 3. P. 481—488. <https://doi.org/10.1111/dar.13253>.
31. Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia From 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 3. P. 323—335. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agaa017>.

32. Randolph K. A., Cheatham L. P., Weiss U. K., Williams J. (2018) Exposure to Parent and Peer Alcohol Use and the Risk of Drinking Onset and Escalation Among Adolescents. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 35. P. 97—106. <https://doi.org/10.1007/s10560-017-0516-2>.
33. Smith M. A. (2021) Social Learning and Addiction. *Behavioural Brain Research*. Vol. 398. Art. 112954. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2020.112954>.
34. Stephenson M., Heron J., Bountress K., Hickman M., Kendler K. S., Edwards A. C. (2023) The Effect of Parental Alcohol Use on Alcohol Use Disorder in Young Adulthood: Exploring the Mediating Roles of Adolescent Alcohol Expectancies and Consumption. *Journal of Adolescence*. Vol. 95. No. 4. P. 716—728. <https://doi.org/10.1002/jad.12148>.
35. Tran T. D., Hammarberg K., Kirkman M., Nguyen H. T. M., Fisher J. (2020) Alcohol Use and Mental Health Status During the First Months of COVID-19 Pandemic in Australia. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 277. P. 810—813. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.09.012>.
36. Van Der Vorst H., Burk W. J., Engels R. C. (2010) The Role of Parental Alcohol-Specific Communication in Early Adolescents' Alcohol Use. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 111. No. 3. P. 183—190. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2010.03.023>.
37. Vermeulen-Smit E., Koning I. M., Verdurmen J. E., Van der Vorst H., Engels R. C., Vollebbergh W. A. (2012) The Influence of Paternal and Maternal Drinking Patterns Within Two-Partner Families on the Initiation and Development of Adolescent Drinking. *Addictive Behaviors*. Vol. 37. No. 11. P. 1248—1256. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2012.06.005>.
38. Vashishtha R., Pennay A., Dietze P., Marzan M. B., Room R., Livingston M. (2021) Trends in Adolescent Drinking Across 39 High-Income Countries: Exploring the Timing and Magnitude of Decline. *European Journal of Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 424—431. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckaa193>.
39. Wardell J. D., Kempe T., Rapinda K. K., Single A., Bilevicius E., Frohlich J. R., Keough M. T. (2020) Drinking to Cope During COVID-19 Pandemic: The Role of External and Internal Factors in Coping Motive Pathways to Alcohol Use, Solitary Drinking, and Alcohol Problems. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. Vol. 44. No. 10. P. 2073—2083. <https://doi.org/10.1111/acer.14425>.
40. Watts L. L., Hamza E. A., Bedewy D. A., Moustafa A. A. (2024) A Meta-Analysis Study on Peer Influence and Adolescent Substance Use. *Current Psychology*. Vol. 43. No. 5. P. 3866—3881. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04944-z>.
41. Windle M., Spear L. P., Fuligni A. J., Angold A., Brown J. D., Pine D., Smith G. T., Giedd J., Dahl R. E. (2008) Transitions into Underage and Problem Drinking: Developmental Processes and Mechanisms Between 10 and 15 Years of Age. *Pediatrics*. Vol. 121. Suppl. 4. P. S273—S289. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-2243C>.